

КАК
СЛОЖИЛИ
ПЕСНЮ

Помню, как в памятный вечер
Падла платочек твой с плеч,
Как прощались и обещал
Синий платочек собрать.
И пусть со мной нет сегодня
любимой, родной,
Знаю — с любовью
Ты к изгнанью
Спрятала платок дорогой.
Письма твои получаю,
Самую я тебе родную,
И между строчек, синий
платочек...
Снова встанет плечо мое.

Сколько известных платочек
Мы сохраним с собой...
Нежные речи,
Девичьи плечи,
Помним в страде боевой.
За жит родных,
Меланхолические тени
Строчек пулеметчик.
За синий платочек,
Что был на плече дорогих
Командирских ланет.
С радостной вострой душой
Снова встанет плечо мое.
Я все счастливый буду.

«Строчит пулеметчик за синий платочек...»

Весной 1942 года, намаяв бока деревянными толчанами горьковского резерва Главного подуправления РККА, мы — большая группа политработников — в кирзовых сапогах, с тощими вещмешками за плечами отбыли на Волховский фронт. А до него в то время было рукой подать. Что и говорить, близость фронта и блокада Ленинграда тяжело отзывались тогда в наших сердцах.

Короткая остановка на станции Неболчи. Здесь нас переаттестовали, присвоили командирские звания. Теперь мы уже не политруки, а старшие лейтенанты, капитаны и майоры, шагаем по зыбкому брезентовому настилу болотной дороги в политотдел 54-й армии, размещившейся в густом сосновом бору в районе деревень Оломна и Гороховец.

Коллектив редакции газеты «В решающий бой», куда я прибыл, оказался дружным, работоспособным. Денно и ночью пыхтел движок в папоротниковых зарослях, обеспечивая светом работу наборщиков. Дело давнее: вот уже и 40-летие Победы не за горами, но закрою глаза и слышу, как тревожно шуршат над основным бором вражеские снаряды да ухают где-то совсем рядом захлебнувшиеся в болотной жиже разрывы...

Завалил газету «мелочишкой» Миша Максимов, преуспевший в добывании свежей информации. Мы убедились, что с тех пор, как он увековечил себя сочинением нового текста для шульженковского «Синего платочка», уже напечатанного и записанного на тысячах фронтальных открыток, граммофонных пластинок, он вне очереди проник в сердца хозяек редакционного машбюро, заставляя нас довольствоваться терпеливым выжиданием...

Мы знали, что Клавдия Шульженко с первых дней войны, выходя перед фронтовиками, душевно исполняла песню про синий платочек. Но... слова! «Нет слова, не тот настрой!» — не раз сокрушалась певица.

В апреле сорок второго года на машинах по раскисшему льду Дороги жизни Клавдия Шуль-

женко с фронтовой бригадой пробралась из блокадного Ленинграда на Волховский фронт. Навестив раненых в одном из госпиталей Волхова, она узнала, что среди ее слушателей был лейтенант Михаил Максимов — сотрудник армейской газеты «В решающий бой». Певица попросила его написать военный текст «Синего платочка».

До войны у Михаила была совсем мирная профессия. Он закончил факультет общественного питания института, заведовал в Ленинграде трестом столовых. Под Новгородом принял боевое крещение. В бою был тяжело ранен. В характеристике, с которой он прибыл к нам в редакцию, говорилось: «...действуя как командир, проявил себя при отражении ночного налета автоматчиков на КП бригады».

И вот задача: написать стихи на хорошо известную мелодию. Отступать Михаил не привык, и 12 апреля 1942 года в железнодорожном депо станции Волхов песня зазвучала по-новому.

Строчит пулеметчик
За синий платочек,
Что был
на плечах дорогих...

— проникновенно разносился голос Клавдии Шульженко.

После одного ее выступления у летчиков гвардии капитан Василий Голубев сказал певице: «Земной поклон за ваше искусство, за душевные песни. Ваш «Синий платочек», Клавдия Ивановна, будет с нами во всех боях, и первый же сбитый нами «юнкерс» или «мессер» мы посвятим вам». Голубев был человек дела. Сказал — сделал. На следующий же день летчик выполнил свое обещание. После концерта фронтовой бригады на фюзеляжах многих наших истребителей и на броне танков соседней части, где выступала певица, появились надписи «За синий платочек»!

Недавно я получил письмо из Муром от учительницы Марии Петровны Семеновы. «Вы сообщили, выступая по радио, что у летчиков выступала Клавдия Шульженко, и они ей обещали сбить больше фашистских само-

летов, — писала Мария Петровна, — а ведь среди этих летчиков был и мой брат Григорий Семенов. Я знаю, что он сбил два «мессершмитта» после того памятного концерта. Капитан Василий Голубев остался жив, сейчас он генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, написал книгу воспоминаний «Крылья крепнут в бою», которую он прислал после встречи в Ленинграде, куда я ездила, разыскивая боевых друзей брата. Именно на шлисельбургско-синявинском выступе и погиб Гриша через полгода после того концерта, о котором Вы рассказали. Значит, и на самолете моего брата было написано «За синий платочек»!

Песня была «прописана» в боевом солдатском строю. Она призывно звала вперед на врага, шагала по разбитым снарядами дорогам войны. Ее пели, о ней даже слагали стихи.

Припоминаю вечер под наступавший 1944 год. За столом редактора армейской газеты Ивана Филипповича Половинкина, на котором он безжалостно правил наши материалы, колдовал над версткой очередного номера газеты, появилось нечто подобное скатерти: пахнущая керосином трехметровая полоса газетной бумаги, а на ней — клюквенный морс, картошка в мундире и какая-то другая холостяцкая снедь. Разговорились о том о сем, о долгожданном втором фронте. Откуда-то появился видный видный патефон с заезженными пластинками.

— Миша, заведи нашу фамилную...

И с виду суровый Максимов, отключаясь на просьбу, извлек из походного сундучка пластинку с надписью: «Синий платочек». Исполняет Клавдия Шульженко. Текст лейтенанта М. Максимова.

Не все знают, что фронтовой вариант «Синего платочка» имеет свою предысторию. 1939 год. Истекает кровью под фашистским сапогом Европа. Стонет поработанная Польша. Спасаясь от преследований оккупантов, покидают родину прогрессивно настроенные деятели культуры. Вместе с музыкальным коллективом эмигрирует в СССР композитор Ежи Петербургский. Он создал такие известные мелодии, как танго «Утомленное солнце», «Танго Милонга», «Ты, моя гитара», «Уж никогда» и другие. Весной 1940 года композитор, можно сказать, в одном дыхании создал мелодию, ставшую потом «Синим платочком».

На другой день польского гостя, остановившегося тогда в гостинице «Москва», навестили друзья. Среди них, как нельзя кстати, оказался и поэт Яков Галицкий. Услышав мелодию, он был настолько очарован ею, что тут же написал стихи. Положили слова на музыку, проиграли и даже пропели несносными головами. Нашли исполнителя. И разнеслось впервые по широкому коридору в исполнении Станислава Ландау: «Синенький скромный платочек падал с опущенных плеч, ты говорила, что не забудешь, будешь платочек беречь...»

А какова дальнейшая судьба композитора? Вот что рассказал журналист Лев Сидоровский, побывавший в Варшаве. После войны Ежи Петербургский возвратился на родину. Сидоровский навестил композитора, рассказал ему и Ежи-младшему о фронтовом пути его песни, об авторе военного текста Михаиле Александровиче Максимове, проживающем ныне в Ленинграде.

Оказывается, «Синий платочек» и сегодня популярен в Польше. «Я прослушал пять разных записей песни, — вспоминает Л. Сидоровский. — Шестой вариант прозвучал в интерпретации маленького Ежи».

Петербургский-старший с гордостью показал гостю письмо от Леонида Утесова, с которым он поддерживал самую тесную связь. «Надеюсь, дорогой Юра, — писал Утесов, — что сынишка пойдет в своего папу и тоже будет даровитым музыкантом...»

Однажды после концерта в ЦАСА с участием Клавдии Шульженко я спросил ее, хорошо ли помнит она весну сорок второго года.

— Значит, вы блокадник? — вопросом на вопрос ответила певица.

— Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто умирал на снегу... — уклонился я от ответа.

— Кто в Ленинград пробирался болотами, горло ломая врагу, — улыбнулась собеседница и заметила: — Я не зря запомнила тогда «Волховскую застольную» Павла Шубина. Выходит, и вы журналист. А раз так, не доводилось ли вам, топаю по брезентовым настилам фронтовой дороги, встречаться с лейтенантом Максимовым?

— Не только встречался, но и не один закопченный котелок каши с ним съел.

— А знаете, — раздумчиво заметила Шульженко, — в тот вечер на Волхове, уловив лирические нотки в размышлениях Максимова о поэзии, в которой он делал первые робкие шаги, я как-то сразу поверила в него. И не ошиблась. Вот ведь как в жизни бывает.

...Давно это было. Но в памяти навсегда сохранились образы боевых товарищей, любимые мелодии и задушевные слова фронтовых песен, среди которых сияет и «Синий платочек».

Федор БАРСУКОВ,
полковник в отставке

На снимке: фрагмент почтовой открытки с фронтовым текстом песни «Синий платочек».